

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОГО РЕВИЗИОНИЗМА В МЕМОРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ США

М.В. Кирчанов

Цель статьи – анализ активности групп, которые по своей деятельности и задачам близки в институтам памяти, существующим в Европе. Автор анализирует роль южных институтов памяти в развитии мемориальной культуры через призму ревизии истории и представленности истории Юга и Гражданской войны (1861–1865) в публичных и общественных пространствах для мобилизации и консолидации южных регионалистских трендов в американском обществе, имеющих различные идеологические предпочтения и восприятия прошлого. Новизна исследования состоит в сравнительном анализе институций, которые определяют основные векторы и траектории как политики памяти, формирующей альтернативные образы Конфедеративных Штатов Америки (КША). В статье показан вклад южных «институтов памяти» в развитие мнемонических пространств американского общества, включая генезис, ревизию и функционирование различных мемориальных канонов. Результаты исследования позволяют предположить, что южные «институты памяти» являются важным фактором в развитии альтернативных мемориальных культур и контрпамятей в контекстах ревизии прошлого.

Ключевые слова: «институции» памяти, историческая память, политика памяти, КША, Гражданская война, неоконфедерализм, ревизия истории, мемориальный канон, интеллектуалы

The purpose of the article is to analyze the activity of groups that, in their activities and tasks, are similar to the institutions of memory that exist in Europe. The author analyzes the role of Southern institutions of memory in the development of memorial culture through the prism of revision of history and representation of the history of the South and the Civil War (1861–1865) in public and public spaces to mobilize and consolidate Southern regionalist trends in American society, which have different ideo-

Кирчанов Максим Валерьевич – доктор исторических наук, доцент кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран Факультета международных отношений, доцент кафедры истории зарубежных стран и востоковедения Исторического факультета. ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет».

logical preferences and perceptions of the past. The novelty of the study lies in the comparative analysis of the institutions that determine the main vectors and trajectories of politics of memory forming alternative images of the Confederate States of America (CSA). The article shows the contribution of the Southern «memory institutions» to the development of the mnemonic spaces of American society, including the genesis, revision and functioning of various memorial canons. The results of the study suggest that the Southern «memory institutions» are an important factor in the development of alternative memorial cultures and counter-memories in contexts of the revision of the past.

Key words: «memory institutions», historical memory, politics of memory, CSA, Civil War, neo-confederalism, revision of history, memorial canon, intellectuals

DOI: 10.32608/1010-5557-2024-2024-266-280

В XXI в. «историческая политика» стала тем средством, с помощью которого элиты формируют коллективные представления общества о прошлом, консолидируя нации, укрепляя и оправдывая собственную идентичность. По мнению П. Нора, современные общества стали заложниками «всемирного торжества памяти. В последние двадцать или двадцать пять лет все страны, все социальные, этнические и семейные группы пережили глубокое изменение традиционного отношения к прошлому»¹, но несмотря на универсальность «исторической политики», формы ее реализации на национальном уровне отличаются. Механизм проведения политики памяти включает актуализацию определенных моментов исторического прошлого, что достигается путем маргинализации и забывания тех компонентов истории, которые не соотносятся с предпочтениями элит.

Подобные механизмы могут включать цензурирование труда историков и продвижение лояльных власти интеллектуалов. Последствия «исторической политики» ограничиваются мифологизацией и идеологизацией прошлого, что стимулирует фрагментацию общества на уровне мемориальных культур. Несмотря на близость механизмов реализации и последствий политики памяти, ее использование в разных обществах может отличаться на организационном уровне, что связано с институционализацией «исторической политики» или

¹ Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 2. С. 392.

отсутствием таковой. В классических государствах «исторической политики» ее проведение институционализировано, а основными акторами стали созданные государством и им же финансируемые институты памяти. В других странах институты памяти в европейском понимании не созданы, а их функции выполняют специализированные музеи, фонды, политические партии и общественные организации.

Целью статьи является анализ организационных уровней политики памяти в США, ограниченный неоконфедеративными институтами. В число задач автора входит изучение общей институционализированной структуры «исторической политики», анализ активностей правых акторов и особенности стратегии правых участников «проработок прошлого», в результате которых формы мемориальной культуры подвергаются ревизии или деконструкции, используя для консолидации идентичности тех или иных сегментов американского общества.

Методологически статья основана на достижениях современной историографии, приоритетным направлением которой является изучение коллективной памяти², включая анализ ее генезиса, особенностей представленности в публичных и социальных пространствах³, роль в национальной идентичности⁴, особенности взаимозависимости с политическими идеологиями, проблемы интеграции в современное общество потребления⁵. Изучение этих аспектов «исторической политики» актуализирует проблемы ее институциональной организации⁶. Анализ этих аспектов представлен в историографии, возникшей в результате мемориального поворота⁷. Поэтому историки обратились не только к анализу конкретных форм «исторической политики», но и к проблемам ее организации⁸. Рост интереса профессиональных историков к проблемам исторической коллективной памяти привел к корректировке векторов и направлений проводимых исследований.

² Bruyneel K. *Settler Memory: The Disavowal of Indigeneity and the Politics of Race in the United States*. Chapel Hill (N.C.), 2021.

³ Mitchell P. *Imperial Nostalgia: How the British Conquered Themselves*. Manchester (UK), 2021.

⁴ Carroll Ch. *The Politics of Imperial Memory in France, 1850–1900*. Ithaca (N.Y.), 2022.

⁵ Gruenewald T. *Curating America's Painful Past: Memory, Museums, and the National Imagination*. Lawrence (Kans.), 2021.

⁶ Sodaro A. *Exhibiting Atrocity: Memorial Museums and the Politics of Past Violence*. New Brunswick (N.J.), 2018.

⁷ Barash J.A. *Collective Memory and the Historical Past*. Chicago, 2020.

⁸ Denton K.A. *The Landscape of Historical Memory: The Politics of Museums and Memorial Culture in Post-Martial Law Taiwan*. Hong Kong, 2021.

Неоконфедеративная политика исторической контрпамяти

Американский случай «исторической политики» интересен в контексте институциональных отличий от европейского опыта манипуляций с прошлым, так как демонстрирует гетерогенность участников политики памяти, оперирующих различными версиями истории, что ведет к формированию разных мемориальных культур. Поэтому историческая память в США⁹, как и других странах, не только подвержена политизации, но и актуализирует уникальные стратегии восприятия и переосмысления коллективного исторического опыта. Особое место среди групп, вовлеченных в «историческую политику», принадлежит неоконфедеративным организациям¹⁰. Под неоконфедерализмом следует понимать идеологию, склонную оправдывать сецессию южных штатов, формируя и продвигая в публичных пространствах США положительный образ Конфедеративных Штатов Америки (КША)¹¹, основанный на демонизации Севера¹². Эти группы стремятся сформировать и поддерживать канон памяти о Конфедерации в период Гражданской войны (1861–1865)¹³, альтернативный американской мемориальной культуре, что актуализирует множественность коллективных памятей, существующих в США, и сфокусированных на актуализации образов конфликта между Югом и Севером.

Модернизация, как полагает американский историк Н. Копосов, «привела к радикальным изменениям социальной структуры и исчезновению групп – носителей естественной памяти <...> прежде всего крестьянства – класса-памяти по преимуществу»¹⁴. В такой ситуации развитие и воспроизводство некоторых версий исторической памяти оказалось монополизировано группами, созданными по принципу происхождения и приверженности определенным политическим

⁹ *Bodnar J.* Remaking America: Public Memory, Commemoration, and Patriotism in the Twentieth Century. Princeton (N.J.), 1992.

¹⁰ *Murphy P.* The Rebuke of History: The Southern Agrarians and American Conservative Thought. Chapel Hill (N.C.), 2001.

¹¹ *Neo-Confederacy: A Critical Introduction* / Ed. by E. Hague, H. Beirich, E. Sebesta. Austin (Tex.), 2008.

¹² *McPherson J.* Long-Legged Yankee Lies: The Southern Textbook Crusade // The Memory of the Civil War in American Culture / Ed. by A. Fahs, J. Waugh. Chapel Hill (N.C.), 2004. P. 64–78.

¹³ *Blight D. W.* Race and Reunion: The Civil War in American Memory. Cambridge (Mass.), 2001.

¹⁴ *Копосов Н.* Исторические понятия в мире без будущего // Как мы пишем историю / Отв. ред. Г. Гаррета, Г. Дюфо, Л. Пименова. М., 2013. С. 61.

ценностям. На современном этапе в США действует ряд подобных движений. Особое место среди них занимают группы, известные как «Объединенные дочери Конфедерации» и «Сыновья ветеранов Конфедерации», которые среди основных своих задач видят защиту именно памяти о КША¹⁵. В качестве цели эти организации декларируют защиту истинной, на их взгляд, исторической памяти, стремясь защищать «памятные статуи и памятники Конфедерации, которые были воздвигнуты в прошлые десятилетия»¹⁶, часть из которых была демонтирована во второй половине 2010-х гг.¹⁷, что привело к большей фрагментации мемориальной культуры¹⁸. Общественные организации, которые представляют потомков Конфедерации, настаивают, что «мемориальные статуи и памятники на протяжении десятилетий стали частью южного ландшафта», что делает невозможным их разрушение, но требует охраны и защиты. Организации потомков воинов Конфедерации стремятся сформировать альтернативную версию исторической памяти, согласно которой сторонники КША были американскими патриотами, так как «оставались американцами», а их современные наследники «провели 128 лет, чтя свою память различными мероприятиями в области образования, истории и благотворительности, пропагандируя патриотизм и гражданственность, не вступая в публичные споры»¹⁹.

«Сыновья ветеранов Конфедерации» настаивают, что «солдаты-граждане, воевавшие на стороне Конфедерации, олицетворяли лучшие качества Америки», так как боролись за «сохранение свободы»²⁰. Продвигая такую культуру памяти, ее сторонники настаивают, что солдаты КША не просто воевали против Севера, но защищали «атрибуты, лежащие в основе нашего демократического общества и представляющие собой фундамент, на котором построена эта нация»²¹. Активность неоконфедератов направлена на формирование контрпамяти или альтернативной исторической памяти, основанной

¹⁵ Reaffirmation of the Objectives of the United Daughters of the Confederacy (<https://hqudc.org/>).

¹⁶ Ibidem.

¹⁷ *Evans S.Z.* The Removal of Confederate Monuments: Reflections on Power and Privilege in Shared Spaces // *Social Science Quarterly*. 2021. Vol. 102. No. 3. Special Issue on Reframing Confederate Monuments: Memory, Power, and Identity. P. 1044–1055 (<https://doi.org/10.1111/ssqu.12965>).

¹⁸ *Britt L., Wager E., Steelman T.* Meanings and Impacts of Confederate Monuments in the U.S. South // *Du Bois Review: Social Science Research on Race*. 2020. Vol. 17. No. 1. P. 105–123 (<https://doi.org/10.1017/S1742058X2000020X>).

¹⁹ About the United Daughters of the Confederacy (<https://hqudc.org/about/>).

²⁰ What is the Sons of Confederate Veterans? (<https://scv.org/what-is-the-scv/>).

²¹ Stephen D. Lee Institute (<http://www.stephendleeinstitute.com/index.html>).

на противостоянии доминирующим формам мемориальной культуры о Гражданской войне.

«Сыновьями ветеранов Конфедерации» выражается тревога в связи с тем, что, по их мнению, «память и репутация солдата Конфедерации, а также мотивы его страданий и жертв сознательно искажаются в попытке изменить ход истории. Если потомки южных солдат не будут сопротивляться этим усилиям, уникальная часть культурного наследия перестанет существовать»²². Организации потомков КША декларируют, что стремятся «читать память своих предков, призывая всех американцев уважать вклад своих предков в нашу страну, что делает нашу нацию сильнее»²³.

«Сыновья ветеранов Конфедерации» указывают на важность сохранения исторической памяти, направленной на «оправдание дела, за которое сражались воины КША, на защиту доброго имени солдата Конфедерации, сохранение его истории, подражание его добродетелям, увековечение тех принципов, которые он любил и которые любите и вы, и тех идеалов, которые сделали его славным и которые мы тоже дорожим»²⁴. Неоконфедераты озабочены сохранением наследия КША, стремясь сберечь военные некрополи²⁵, наиболее значимые памятники и здания²⁶, ставшие «местами памяти», актуализирующими и визуализирующими гетерогенность американской мемориальной культуры. К таким пространственным местам памяти неоконфедеративные организации относят Мемориальное здание и Большой зал в г. Ричмонде (штат Виргиния), построенные в 1957 г.²⁷

Во второй половине 2010-х гг. коллективная память в США последовательно подвергалась фрагментации, чему в значительной степени содействовало то, что «природа плюралистических обществ предполагает формирование различных и противоречащих друг другу толкований прошлого»²⁸, примером чего стало восприятие исторического наследия к КША в пространствах мемориальной культуры. В 2018 г. Пол Грэмлинг, глава «Сыновей ветеранов Конфедерации», выступил с инициативой изменения доминирующего в США нарратива в отношении КША с «антиконфедеративного» на «проконфедеративного».

²² What is the Sons of Confederate Veterans?

²³ Statement from the President General (<https://hqdc.org/>).

²⁴ Sons of Confederate Veterans (<https://scv.org/>).

²⁵ *Beardsley J.* Sacred to the Memory: Richmond's Cemeteries in Black and White // *SiteLINES: A Journal of Place*. 2020. Vol. 16. No. 1. P. 14–17.

²⁶ *Powell M.A.* Removal of Confederate Monuments as a Reflection of Contemporary Southern Reintegration // *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 2019. Vol. 64. No. 3. P. 1045–1059 (<https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2019.314>).

²⁷ Memorial Building (<https://hqdc.org/memorial-building-2/>).

²⁸ *Шерпер Ю.* Германия и Франция: проработка прошлого // *Pro et Contra*. 2009. Май–Август. С. 90.

ративный»²⁹. В этом контексте К. Вэйт полагает, что южная модель памяти «экспортируется» в мемориальные культуры других штатов³⁰. Именно поэтому в современных обществах «передача коллективной памяти – это не стабильный процесс, а объект перемещения, благодаря которому происходит рост фрагментации памяти, и разные социальные группы пытаются конструировать свое прошлое различно»³¹. В США эти процессы отягощены софункционированием различных памятей и контрпамятей, границы между которыми идеологически и политически санкционированы.

Таким образом, неоконфедеративные организации активно участвуют в визуализации наследия Конфедерации в публичных пространствах, изготавливая реплики флагов³², добровольная демонстрация которых в публичных пространствах южных штатов визуализирует контрпамять, отличную от доминирующего национального канона³³. Активность таких групп направлена на ревизию мемориального канона, который не только основан на идее «конфедеративной исключительности»³⁴, но и влечет изменение статуса коллективной исторической памяти Юга в направлении ее трансформации из региональной в национальную. В рамках подобных манипуляций спрощлым активисты исторической памяти из неоконфедеративных групп настаивают, что Конституция США является плодом деятельности именно южан, а сама попытка отделения южных штатов стала не проявлением сепаратизма, но «Южной войной за независимость»³⁵.

«Объединенные дочери Конфедерации» в качестве своей цели видят развитие исторической памяти, которая, по их мнению, наиболее объективно отражает роль КША. «Сыновья ветеранов Конфедерации», в свою очередь, настаивают, что стремятся сохранить историческую память, «обеспечив сбережение подлинной истории периода

²⁹ The Campaign for Southern Victory Begins (<https://makedixiegreatagain.com/history/>).

³⁰ *Waite K.* The «Lost Cause» Goes West. *Confederate Culture and Civil War Memory in California* // *California History*. 2020. Vol. 97. No. 1. P. 33–49 (<https://doi.org/10.1525/ch.2020.97.1.33>).

³¹ *Outhwaite W., Ray L.* *Modernity, Memory and Postcommunism* // *Social Theory and Postcommunism* / Ed. by W. Outhwaite, L. Ray. London; New York, 2005. P. 176–197.

³² Welcome to Southern Pride Fabrications Flag Company (<http://southernprideflagco.com/index.html>).

³³ *Cooper C., Gibbs K.* Region, Race, and Support for the South Carolina Confederate Flag // *Social Science Quarterly*. 2006. Vol. 87. No. 1. P. 142–154.

³⁴ *Maurantonio N.* *Confederate Exceptionalism: Civil War Myth and Memory in the Twenty-First Century*. Lawrence (Kans.), 2019.

³⁵ The Constitution of the Sons of Confederate Veterans (<https://scv.org/forms-and-documents/scv-constitution/>).

1861–1865 гг.»³⁶. В качестве основной задачи организации признается «сбор и сохранение материалов, необходимых для правдивой истории войны между штатами, а также защита и сохранение мест, ставших историческими благодаря доблести Конфедерации»³⁷, для чего организуются «национальные исторические симпозиумы, переиздание редких книг и возведение памятников»³⁸, призванных актуализировать и визуализировать в США память о Конфедерации.

Развитие «исторической политики» в США актуализирует то, что и история, и память оказались в одинаковой степени подвержены политизации и идеологизации³⁹, что превратило прошлое в видимый элемент публичных пространств, которые актуализируют существование разных памятей. Как полагает белорусский философ В. Акудович, «история могла быть политическим товаром только в логоцентричном обществе, в обществе постмодерна история становится практически ненужной. В подобной системе истории просто нет... Историческое сознание выходит за границы только интереса к тому, что было в прошлом и стало историей. Оно требует использования накопленных знаний в <...> формировании будущего. Историческое сознание <...> делает те выводы из прошлого, которые применимы для достижения целей в будущем»⁴⁰. В этой ситуации инструментализация истории и ее превращение в символический ресурс политической мобилизации и легитимации становится фактически неизбежной. Поэтому и политические элиты, и интеллектуальные сообщества с различной степенью добровольности начинают участвовать в «исторической политике».

Неоконфедеративные участники исторической политики стремятся, по их словам, восстановить «поддержку принципов свободы, которых придерживались основатели Соединенных Штатов и Конфедеративных Штатов Америки, восстановив уважение к КША, которые предпочли покинуть Союз, а не отказаться от принципов свободы подобно северным штатам, оказавшимся под левым влиянием»⁴¹. Общим мотивом в сфере мемориальной культуры в деятельности подобных групп является стремление «сохранить и защитить

³⁶ What is the Sons of Confederate Veterans?

³⁷ About the United Daughters of the Confederacy.

³⁸ What is the Sons of Confederate Veterans?

³⁹ *Moody J.* From History to Memory: The Discursive Legacies of the Past // *Moody J.* The Persistence of Memory: Remembering Slavery in Liverpool, «Slaving Capital of the World». Liverpool (UK), 2020. P. 29–64.

⁴⁰ *Акудовіч А., Казакевіч А.* Навука і стратэгіі працызмінным. Дыскусія ўмежах-семінара «Сучаснае беларускае мысленне», Інстытут сацыялогіі, Інстытут філасофіі НАН, 16 сакавіка 2006 года // Палітычная сфера. 2006. № 6. С. 46.

⁴¹ Join the Confederate Legion (<https://makedixiegreatagain.com/legion/>).

наше южное наследие, чья память предков, которые служили Конфедеративным Штатам Америки»⁴².

Активность неоконфедератов направлена как на сохранение той версии памяти, которая, по их мнению, является правильной, так и на формирование и продвижение альтернативного мемориального канона, основанного на прославлении КША. Для этого «Объединенные дочери Конфедерации» реализуют ряд мероприятий, включая сбор, систематизацию и хранение книг и источников личного происхождения (дневники и письма), относящихся к периоду с 1861 по 1865 г. Для координации подобной деятельности были созданы мемориальные библиотеки – Кэролайн Гудлетт и Хелен Волпоул Брюэр⁴³, расположенные в Ричмонде (штат Виргиния). Кроме этого в 1998 г. начала работу Президентская библиотека и музей Джефферсона Дэвиса в г. Билокси (штат Миссисипи)⁴⁴, целью которых является визуализация альтернативной исторической памяти, основанной на восприятии наследия КША как системного фактора для развития идентичности. Существование подобных музейных институций свидетельствует о том, что в различных регионально детерминированных памятях Гражданская война «вспоминается» различно⁴⁵. Фактически такие акторы памяти в США актуализуют множественный характер исторической памяти, в рамках которой одновременно сосуществуют магистральные и альтернативные версии.

Для этого группы, вовлеченные в историческую политику и формирующие «мемориальный сектор»⁴⁶ национальной идентичности, организывают мероприятия, направленные на актуализацию в коллективной памяти Дня флага Конфедерации, Дня памяти Конфедерации и Дня рождения Дж. Дэвиса⁴⁷. Визуализация альтернативной версии памяти о КША осуществляется и при помощи вручения медалей (Конфедеративная медаль чести⁴⁸, Крест военной службы, Медаль национальной обороны, Экспедиционная медаль Вооруженных Сил, Медаль американского патриота⁴⁹), на которые могут

⁴² The Descendants of Confederate Veterans (<http://www.dcvtx.org/>).

⁴³ Library services (<https://hqdc.org/library-services/>).

⁴⁴ Jefferson Davis Home and Presidential Library (<https://www.visitbeauvoir.org/>).

⁴⁵ *Robinson H.* Remembering Things Differently: Museums, Libraries and Archives as Memory Institutions and the Implications for Convergence // *Museum Management and Curatorship*. 2012. Vol. 27. No. 4. P. 413–429 (<http://doi.org/10.1080/09647775.2012.720188>).

⁴⁶ *Liew C.* National Memory Institutions' Social Media Policies and Risk Management: a Content Analysis // *Online Information Review*. 2021. Vol. 46. No. 2. P. 205–223 (<https://doi.org/10.1108/OIR-09-2020-0421>).

⁴⁷ Confederate Events (<https://www.visitbeauvoir.org/confederate-events>).

⁴⁸ Confederate Medal of Honor Committee (<https://scv.org/confederate-medal-of-honor/>).

⁴⁹ Medals (<https://hqdc.org/medals/>).

претендовать только потомки тех американцев, чьи предки воевали на стороне Юга. Для поощрения южноцентричных версий исторической памяти практикуется награждение ее носителей Серебряной и Золотой историческими медалями Джефферсона Дэвиса, которые вручаются историкам, изучающим КША⁵⁰. Сторонники ревизии коллективной памяти активны в попытках продвижения позитивной версии истории КША в публичных пространствах, для чего была учреждена Премия имени миссис Саймон Барух, которая представляет собой грант в размере 2000 долларов, вручаемый за публикацию в области истории Юга.

Неоконфедеративные группы учредили «Институт Стивена Д. Ли», целью которого является выделение стипендий «для большего информирования широкой общественности о южной стороне войны»⁵¹. Подобная активность американских мемориальных «институций» фактически актуализирует множественность памятей⁵², в рамках которой доминирующие тренды сталкиваются с региональными, хорошо организованными, альтернативами. Именно такая альтернативная культура исторической памяти в США актуализируется и «Институтом Эббевилла», созданным в 2003 г. Согласно его собственной позиции, Институт является «ассоциацией ученых в области высшего образования, сфокусированных на критическом изучении того, что является истинным и ценным в южных традициях»⁵³. Название Института в честь г. Эббевилл (штат Южная Каролина), воспринимаемого современными неоконфедератами как родина КША, указывает на стремление продвигать альтернативную мемориальную культуру. Такие инициативы содействуют фрагментации памяти в США, актуализируя «войны с памятниками»⁵⁴, вдохновленными отчасти провокационными вопросами относительно принадлежности наследия Конфедерации⁵⁵ и уместности его сохранения.

Несмотря на то, что «споры о символах Конфедерации продолжают терзать американское общество и общественную память»⁵⁶, «Институт Эббевилла» синтезирует усилия неоконфедератов в про-

⁵⁰ Objects of the UDC (<https://hqdc.org/objectives/>).

⁵¹ Stephen D. Lee Institute (<http://www.stephendleeinstitute.com/index.html>).

⁵² *Anieby M., Molnar V.* Collective Memory Meets Organizational Identity // *Academy of Management Journal*. 2012. Vol. 55. No. 4. P. 515–540.

⁵³ Abbeville Institute (<https://www.abbevilleinstitute.org/purpose/>).

⁵⁴ *Кирчанов М.В.* Историческая политика, политика памяти и война с памятниками в США // США и Канада. 2017. № 12. С. 63–75.

⁵⁵ *Gunter B., Kizzire J.* Whose Heritage? Public Symbols of the Confederacy. Montgomery (Ala.), 2021.

⁵⁶ *Little A.* The Flag Unfurled: The Negotiation of Civil War Memory in Confederate Displays // *American Journalism*. 2022. Vol. 39. No. 2. P. 169–195 (<https://doi.org/10.1080/08821127.2022.2064364>).

движении другой культуры исторической памяти, основанной на вере в то, что «в южной традиции есть многое, что предлагает альтернативный американский ответ централизованному имперскому правительству, экономике и идеологизированной культуре, в которой мы сейчас живем»⁵⁷. Стремясь противостоять доминирующей национальной версии исторической памяти, «Институт Эббевилла» продвигает альтернативную мемориальную культуру через различные образовательные курсы, сфокусированные как на истории Юга в целом, так и КША в частности, включая проблемы фактора рабства в Гражданской войне⁵⁸, роли президента А. Линкольна⁵⁹, южной культуры⁶⁰ и стремления южан к самоопределению⁶¹. Подобные «образовательные» инициативы направлены на визуализацию в мнемонических пространствах США южной версии исторической памяти⁶², продвижение которой связано с ревизионистскими интерпретациями истории КША.

Успешное функционирование такой контрпамяти, с одной стороны, вероятно, свидетельствует о том, что ожидания того, что национальный и объединяющий нарратив исторической памяти минимизирует проявления альтернативных мемориальных практик⁶³, оказались завышенными. С другой – само историческое академическое сообщество в некоторой степени несет ответственность за генезис и продвижение альтернативных версий исторической памяти, основанных на ревизии прошлого. Дж. МакФерсон, президент Американской исторической ассоциации, подчеркивал, что

«ревизия является жизненной основой исторической науки. История представляет собой непрерывный диалог между настоящим и прошлым. Интерпретации прошлого могут меняться вследствие нахождения новых исторических данных, появления новых вопросов к уже открытым источникам, лучшего видения прошлого, которое наступает с течением времени. Не существует единой, вечной и неизменной “истины” о событиях прошлого и их значении... Бесконечные попытки историков разобраться в прошлом, по сути “ревизионизм”, как раз и делают историческую науку жизненно важной и значимой...

⁵⁷ Abbeville Academy (<https://abbevilleacademy.org/>).

⁵⁸ Was the War About Slavery? (<https://abbevilleacademy.org/p/it-wasn-t-about-slavery>)..

⁵⁹ The Problem with Lincoln (<https://abbevilleacademy.org/p/the-problem-with-lincoln>).

⁶⁰ Southern Music is American Music (<https://abbevilleacademy.org/p/southern-music>).

⁶¹ Chaining Down Leviathan (<https://abbevilleacademy.org/p/chaining-down-leviathan>).

⁶² *Dobson D.* «A House Divided»: Understanding Southerners' Dislike for Abraham Lincoln // *Eras Journal*. 2015. Vol. 17. No. 1. P. 120–137.

⁶³ *Белов С.И.* Объединяющий нарратив истории Гражданской войны в США как элемент политики памяти // *США и Канада*. 2018. № 11. С. 46–59.

Без историков-ревизионистов, которые проводили исследования новых источников и задавали новые и острые вопросы, мы бы так и погрязли в тех или иных стереотипах»⁶⁴.

Сложно судить, в какой степени неконфедераты в США знакомы с академической историографией, но, тем не менее, сама историческая наука создала основания для пересмотра истории и фрагментации мемориальной культуры.

Предлагаемый и популяризируемый южными и неоконфедеративными «институтами памяти» канон в мемориальной культуре основан на конструировании образа войны не как войны (со стороны Севера) за отмену рабства, но за право (по версии Юга) обладания частной собственностью, а ответственность за начало конфликта в контрпамяти возлагается исключительно на сторонников Союза. Среди «институций», которые активны в продвижении такой версии памяти, особое место занимает «Military Order of the Stars and Bars», который в качестве цели декларирует «увековечивание идеализма, вдохновлявшего Дело Конфедерации, почитание мужества, преданности и стойкости тех, кто посвятил свою жизнь и служение в течение четырех лет опустошительной войны и кто в течение ужасного десятилетия Реконструкции героически трудился на благо Конфедерации, восстанавливая самоуправление как наиболее ценное наследие американской революции»⁶⁵.

Подобная альтернативная мемориальная культура направлена на формирование образа КША как подлинной Америки, в то время как США воспринимаются в качестве отклонения от традиций, предложенных, по мнению неоконфедератов, отцами-основателями. В рамках продвижения альтернативных мемориальных культур «Институт Стивена Д. Ли» и «Институт Эббевилла» стремятся представить, по мнению их активистов, «истинное понимание войны между штатами», настаивая на том, что «дело, за которое сражался солдат Конфедерации, должно активно защищаться во время навязанной политкорректности: если мы позволим очернить его дело, будет невозможно защитить солдата Конфедерации»⁶⁶.

Поэтому формирование альтернативной повестки дня по истории КША, которая должна поддерживать южную версию контрпамяти, связано с историческим ревизионизмом и финансированием исследований, направленных на изучение нарушения А. Линкольном прав штатов, северного «вторжения на Юг», а также «военных пре-

⁶⁴ *McPherson J.* Revisionist Historians // Perspectives on History. 2003. Vol. 41. No. 6. P. 1.

⁶⁵ Military Order of the Stars and Bars (<http://www.mosbihq.org/>).

⁶⁶ Stephen D. Lee Institute. About Us (<http://www.stephendleeinstitute.com/about-us.html>).

ступлений армии Союза против Юга»⁶⁷. Представители современного неоконфедерализма в «исторической политике» обвиняют не только Север, но и правящие элиты в распространении «другой культуры, которая хотела бы уничтожить последний оплот дани нашим мужественным предкам»⁶⁸, представленный памятниками и военными кладбищами, которые в большей степени содействуют фрагментации южной памяти⁶⁹ с ее общенациональными версиями.

Альтернативная историческая память продвигается неоконфедератами, настаивающими, что компромиссный мемориальный канон, ранее существовавший, был демонтирован в 2010-е гг., когда, по их мнению, «политика, наука и образование работали сверхурочно, чтобы очистить южную традицию от культурного ландшафта, загнать ее в один маленький темный угол, названный “рабством и изменой”»⁷⁰. Именно необходимостью таких оценок истории КША, которые ряду организаций кажутся необъективными, они оправдывают необходимость пересмотра общих положений исторической памяти в отношении Гражданской войны, настаивая, что время, когда «наследие Конфедерации пользовалось широким уважением в американском общественном мнении, Север и Юг соглашались, что война была великой трагедией, в которой с обеих сторон участвовали добрые и искренние люди»⁷¹, прошло, а коллективная память нуждается в пересмотре. Ревизия мемориальной политики мотивируется тем, что радикалы нарушили «перемирие, во время которого уважалось наследие Конфедерации, а герои Конфедерации почитались как герои для всех американцев»⁷². Вина за разрушение мемориального компромисса возлагается на сторонников политической корректности и «экспертов по истории на всех уровнях образовательной системы и в СМИ, которые увлечены политкорректностью»⁷³.

Южная версия исторической памяти о КША и Гражданской войне характеризуется рядом особенностей. Южная форма коллективной памяти не только политизирована и идеологизирована, но и инструментализирована, будучи интегрированной в механизм деятельности различных неоконфедеративных групп. Южная форма памяти формирует альтернативную мемориальную культуру и контрпамять, основан-

⁶⁷ Stephen D. Lee Institute. About Us (<http://www.stephendleeinstitute.com/index.html>).

⁶⁸ Confederate Legacy Endowment Fund (<http://www.mosbihq.org/legacy.html>).

⁶⁹ Grant S.-M. Raising the Dead: War, Memory and American National Identity // Nations and Nationalism. 2005. Vol. 11. No. 4. P. 509–529.

⁷⁰ Abbeville Academy (<https://abbevilleacademy.org/>).

⁷¹ Stephen D. Lee Institute. About Us (<http://www.stephendleeinstitute.com/about-us.html>).

⁷² Ibidem.

⁷³ Ibidem.

ные на другой интерпретации Гражданской войны, рабства и КША. Южная мемориальная культура связана с историческим ревизионизмом. Важной характеристикой южной памяти является именно ее альтернативность, связанная с тем, что она воспроизводится именно как контрпамять, что существенно ограничивает сферу ее представленности в общественных и публичных пространствах.

Именно альтернативность южной версии исторической памяти создала условия для ее консолидации в качестве другой формы идентичности и институционализации на организационном уровне. Южная мемориальная культура, таким образом, имеет своих естественных носителей, которые разделяют и принимают эту версию американской идентичности и специализированные «институты» памяти, сопоставимые с европейскими аналогами, вовлеченными в «проработку прошлого» для формирования мемориального канона, призванного консолидировать социум. Проблема южной версии исторической контрпамяти состоит в том, что она носит почти исключительно региональный характер. Возможности ее консолидационного влияния на общество незначительны и ограничены только южными штатами. Специфика «исторической политики» в США состоит в том, что ее проведение на уровне формализованных институтов, не только инструментализирует прошлое как мобилизационный ресурс, но и фрагментирует общество, вынуждая его пребывать в состоянии мемориального конфликта, отягощенного идеологическими противоречиями активистов политики памяти.

Итак, история анализируемых в статье американских «институций» памяти связана с историческим ревизионизмом и стремлением определенных групп общества сохранить содержательно другие версии исторической памяти и коллективной идентичности, которые отличны от магистральных тенденций мемориальной культуры и национального самосознания.

На современном этапе институционализированные участники «исторической политики», включая общества потомков участников Гражданской войны со стороны КША, являются важными акторами политики памяти и развития мемориальной культуры, будучи вовлеченными в процессы ревизии прошлого и формирование альтернативных канонов памяти, призванных создавать позитивные концепты Самости, продвигая негативные образы Другости. Особое место среди американских «институтов» «исторической политики» принадлежит южным организациям, которые стремятся продвигать в пространствах национальной памяти южные версии мемориальной культуры, формирующие альтернативную контрпамять.

Подобная активность акторов «исторической политики» в США связана с историческим ревизионизмом. Мы можем предположить

наличие взаимозависимости между южными неоконфедеративными институтами и ревизионистами в историческом сообществе. Южные активисты «исторической политики» фактически ассимилируют нарративы, ранее возникшие в американской историографии, сфокусированной на ревизии истории Юга, КША и Гражданской войны. Тенденции исторического ревизионизма в исторической науке вряд ли были бы столь заметны, если бы на них не существовал запрос и заинтересованность в них со стороны определенной части американского общества.

Актеры «исторической политики» в США стали участниками развития национальной идентичности, актуализируя идеологические предпочтения различных слоев общества, не консолидируя, но фрагментируя социум, подчеркивая политические линии разграничения, проходящие не только в актуальной повестке дня, но и в мнемонической культуре и мемориальных пространствах. «Институции» памяти в США, таким образом, оказываются участниками такой крайней формы «исторической политики» как «войны памяти» за право интерпретации южного наследия, что бесспорно нуждается в дальнейшем изучении.